

Русское богатое

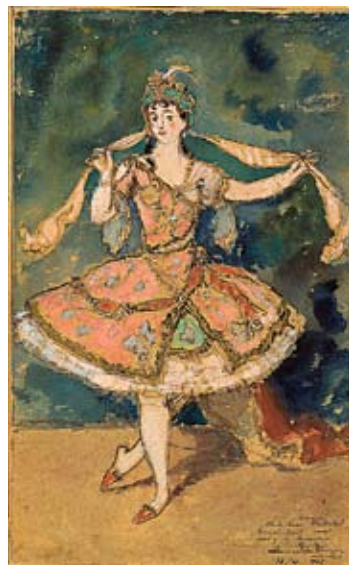
ВЫСТАВКИ К СТОЛЕТИЮ «РУССКИХ СЕЗОНОВ» ДЯГИЛЕВА В ГТГ И ЭРМИТАЖЕ рассказывают Татьяна Маркина и Татьяна Кузнецова

Лев Бакст. Костюм разбойника для балета «Дафнис и Хлоя», 1911

Анри Матисс. Костюм к балету «Соловей», 1920

Лев Бакст. Эскиз костюма Иды Рубинштейн для «Танца семи покрывал» по драме О. Уайльда «Саломея», 1908

Александр Бенуа. Эскиз костюма Армиды к балету «Павильон Армиды», 1907

Пабло Пикассо. Занавес к балету «Голубой экспресс», 1924

ОГРОМНАЯ выставка, отмечающая столетие «Русских сезонов» Сергея Дягилева в Париже, доехала до Москвы. Этот проект организован Третьяковской галереей совместно с московским фондом культуры «Екатерина» и Новым национальным музеем Монако. Летом выставка проходила в Монте-Карло, оперный театр которого десятилетиями служил репетиционной базой «сезонов». В Монако выставка шла под броским названием «Удиви меня!» — творческое кредо, которому Сергей Дягилев был верен всю жизнь. В Москве название заменили на пресноватое и романтическое «Видение танца».

Танец — далеко не единственное, в чем Сергей Дягилев и те, кто с ним работал, проявили свое «видение». Этапы жизни «Русских сезонов» параллельны этапам развития всего искусства XX века, и спектакли обладали одним из главных, а может, самым главным признаком новой эпохи — они были синтетичны. В них соединялись музыка, хореография, деко-

рации и костюмы, частные характеры и харизмы танцовщиков, художников и постановщиков. Ко всему этому надо добавить совершенно новый маркетинг и пиар — «Дягилевские сезоны» стали первой в мире антрепризой такого размаха. Частенько терпя коммерческие провалы вплоть до конфискации костюмов и декораций, безжалостно расставаясь с художниками, хореографами и танцовщиками, едва заподозрив, что эти властители умов себя исчерпали, Сергей Дягилев добился того, что труппа не утратила жизнеспособности ни во время Первой мировой, ни после смерти своего руководителя. От «Русских сезонов» публика всегда ждала откровений на грани скандальности — и всегда их получала.

Скандальности выставка в Третьяковской галерее обещать не может. Вызывающий фетишизм финала «Послеполуденного отдыха фавна», придуманный Вацлавом Нижинским, кубистические костюмы Пабло Пикассо, «деревянный» древ-

нерусский примитивизм «Весны священной» ныне осознается авангардным, но уже не шокирует. Однако откровений от выставки вполне можно ожидать.

«Русские балеты» — это европейская история. Вначале по преимуществу русские (танцовщики Мариинского императорского театра, сценография петербуржцев-миriskусников), дягилевские сезоны быстро и окончательно переместились в Европу, и гениальный антрепренер стал приглашать к себе самых ярких творцов любых национальностей. Но суть даже не в этом: гастролируя по всему миру, русские балеты не приезжали в Россию ни до революции, ни после. Практически все их материальное наследие осталось за рубежом. В России из всего дягилевского хорошо известны только работы первого периода антрепризы: сказочные эскизы костюмов Льва Бакста, ностальгические грезы Александра Бенуа, русофильские языческие фантазии Николая Рериха.

Примерно половина из пяти сотен выставленных работ хранится в Третьяковской галерее. Но другая половина — произведения, наверняка не виденные московскими зрителями. Значительная часть их происходит из архивов Оперы Монте-Карло — афиши, эскизы декораций и занавесов, реальные костюмы, макеты декораций, сделанные знаменитыми русскими и французскими художниками. А еще — фотографии танцовщиков и мизансцен, показывающие, как эти удивительные произведения сценографии жили на телах танцовщиков.

Самыми поразительными выглядят постановки, сделанные после Первой мировой: новое мироощущение, новая эстетика, новые способы работы с актерами и публикой, вечный цейтнот и вечный бег наперегонки с мировой модой. В одно и то же время в репертуаре «Русских сезонов» сожительствова-ют постановки, все же похожие на традиционный балет, и спектакли абсолютно нового жанра, в которых